

Гу Шэнцян в последнее время был в хорошем настроении. Его непослушный сын поступил в Первую городскую среднюю школу с полувоенным режимом, и теперь проводил дома только два дня в неделю, а остальные пять отсутствовал. И за эти пять дней он, несомненно, натворил бы гораздо меньше бед.

Уже только за это он считал, что пожертвование школе на строительство библиотеки было оправданным.

Но радость длилась недолго, и, как говорится, за радостью следует горе. Когда его старый друг и одновременно классный руководитель его сына, Жэнь Цзяньфэн, позвонил ему, в его сердце возникло тревожное предчувствие.

— Цзяньфэн, что случилось? — Надеюсь, этот парень снова не натворил чего-нибудь.

Но, как часто бывает, хорошие желания не сбываются, а плохие — наоборот. Гу Шэнцян с мрачным лицом выслушал звонок и поспешно ответил:

— Хорошо, хорошо, я сейчас приеду.

Секретарь, стоявший рядом, напомнил ему:

— Господин Гу, у вас скоро встреча.

Гу Шэнцян раздражённо накинул пальто:

— Встреча, встреча, какая ещё встреча? Перенесите всё!

В это время Лу Минцзэ стоял, опустив голову, с выражением «я понял свою ошибку» на лице, перед разгневанным классным руководителем и учителем Жэнь, который смотрел на него с разочарованием.

— Ну что ты, — Жэнь Цзяньфэн строго ткнул его в лоб, — как ты мог сделать такое!

Классный руководитель тоже был мрачен. Этот инцидент нанёс серьёзный ущерб репутации школы.

— Как бы то ни было, за ошибки нужно платить. Я доложу о происшествии школьному комитету, и мы решим, как поступить, — сказал классный руководитель. Он знал, что у Гу Нинюя непростая биография, и он поступил в школу по связям. Теперь, когда строительство библиотеки только началось, Гу Нинюй совершил такой серьёзный проступок.

— Это 10 000 юаней, а не 100. Как ты мог подумать... — Учитель Жэнь тяжело вздохнул. Он прекрасно понимал, что Гу Нинюй сделал это не ради денег. Но если не ради денег, а просто из-за неприязни к кому-то, то это ещё серьёзнее.

Лу Минцзэ спокойно выслушивал выговор, не произнося ни слова, и его отношение к признанию ошибки было хорошим. В этот момент в кабинет постучались.

Вошедшим был Гу Шэнцян. Увидев мрачные лица классного руководителя и своего старого друга Жэнь Цзяньфэна, он натянуто улыбнулся:

— Ну, директор Сун и Цзяньфэн, это всё из-за того, что ребёнок не понимает, что делает.

С этими словами он сильно хлопнул Лу Минцзэ по спине и строго отчитал его:

— Ну что ты, как ты можешь заниматься такой ерундой? Извинись перед учителями, они всё время о тебе беспокоятся.

Лу Минцзэ не чувствовал себя униженным от этой пощёчины. Из воспоминаний оригинального хозяина тела он знал, что Гу Шэнцян был хорошим отцом. Даже боясь, что новая жена будет плохо обращаться с сыном, он после смерти первой жены так и остался холостяком.

Перед такими ответственными родителями Лу Минцзэ всегда вёл себя смиренно, и потому он с раскаянием сказал Гу Шэнцяну:

— Папа, я понял свою ошибку. Я больше так не буду. Впредь я буду хорошо учиться.

Гнев Гу Шэнцяна мгновенно исчез.

Честно говоря, он чувствовал себя виноватым перед сыном. Когда его жена была беременна, он только начинал свою карьеру и был очень занят. Он не уделял ей достаточно внимания, и у неё развилась послеродовая депрессия. Няня, которую он нанял, самовольно ушла, и его жена покончила с собой, выпрыгнув из окна.

Все эти годы он жил с чувством вины. Он часто думал: если бы жена была жива, возможно, сын не был бы таким непослушным? В конце концов, разве он не злится на него?

Услышав, как Лу Минцзэ смирился, Гу Шэнцян почувствовал странную смесь эмоций. Он повернулся к классному руководителю, понимая, что его старый друг, вероятно, не сможет решить этот вопрос, но классный руководитель имел некоторое влияние:

— Директор Сун, я понимаю, что этот инцидент нанёс ущерб.

Он хотел сказать, что его сын глуп, ведь он мог бы решить это приватно. Но теперь, когда всё стало известно, если не наказать его, школе будет сложно сохранить лицо.

Он тщательно подбирал слова и продолжил:

— Как бы вы ни наказали его, это будет справедливо. Но как родитель, я хочу, чтобы он стал лучше. Как насчёт того, чтобы мы уладили это с Бай Шуанъи, компенсировав ему ущерб? Если школе тоже что-то нужно, я не останусь в стороне. Просто не записывайте ничего плохого в его личное дело, это может повлиять на его будущее.

Желание родителей видеть своих детей успешными одинаково у всех. Даже такого непослушного ребёнка, как Гу Нинъюй, Гу Шэнцян был уверен, что он когда-нибудь повзрослеет и добьётся успеха. Сейчас, будь то поступление в университет или обучение за границей, школьное личное дело очень важно. Он не мог позволить, чтобы будущее сына было запятнано.

Классный руководитель всё ещё размышлял, но Лу Минцзэ поднял голову и сказал:

— Директор, как насчёт такого варианта? Я помню, что в нашей школе есть наказание в виде отстранения от занятий с испытательным сроком. Оно не заносится в личное дело. Чтобы показать пример всем ученикам, я готов быть отстранённым на полгода. Это будет достаточно серьёзное наказание, верно?

Даже в Первой городской средней школе правила не были идеальными. Возможно, эти лазейки были оставлены намеренно. За многие годы существования школы в ней, несомненно, были ученики из богатых и влиятельных семей, которые совершали проступки. И как школа могла

быть на сто процентов непреклонной?

Как и думал классный руководитель, библиотека ещё не была достроена.

Поэтому, если у кого-то были связи, школа могла просто отстранить их от занятий. По сути, это было отправкой домой для размышлений. Хотя это и не заносилось в личное дело, для учеников, которые усердно готовились к вступительным экзаменам, это было очень серьёзным наказанием. Ведь отстранение на три месяца — это большая часть семестра. За это время учителя могли пройти множество тем и заданий. Если ученик уходил домой, он сразу отставал от своих конкурентов.

А Лу Минцзэ предложил ещё более суровое наказание — отстранение на полгода. Через полгода он вряд ли смог бы догнать программу.

Конечно, и учитель Жэнь, и классный руководитель подумали: вероятно, этот парень всё равно не учился бы, даже если бы оставался в школе. Возможно, ему было бы даже лучше дома.

— Если действительно отстранить на полгода, это будет очень серьёзным наказанием, — начал классный руководитель.

Он хотел сказать, что не нужно наказывать так строго, но потом подумал, что сейчас ноябрь, и через полгода будет май. Учитывая зимние каникулы, фактическое время отстранения составит всего пять месяцев.

— Как можно отстранить на полгода? — Гу Шэнцян не согласился.

Он считал, что сын, наконец, успокоился, находясь в школе, и если он вернётся домой, как он сможет его контролировать?

Учитель Жэнь тоже сказал:

— Полгода — это слишком долго. Как насчёт трёх месяцев? — С учётом зимних каникул, он сможет вернуться в начале следующего семестра и не сильно отстанет.

Лу Минцзэ продолжил предлагать:

— Я понимаю, что учителя хотят мне добра, но если я совершил ошибку и не буду наказан, как это может быть правильно? Как насчёт такого варианта: в начале каждого семестра у нас есть экзамен. Если я сдам его на первое место в школе, то отстранение может быть сокращено до трёх месяцев. Но если я не смогу стать первым, я останусь дома ещё на один семестр и вернусь только в начале второго года. Я готов зачитать это обещание перед всеми учениками и не опозорю Первую городскую среднюю школу.

Гу Шэнцян смотрел на него, открывая и закрывая рот, и ему хотелось вытащить парня на улицу и отлупить. Он уже почти договорился до трёх месяцев, но теперь, после его слов, это превратилось в больше полугода, и он ещё должен ждать до второго года?

Он прекрасно знал, на что способен его сын, и не верил, что тот сможет стать первым. Если он не окажется на последнем месте, это уже будет чудом.

Учитель Жэнь тоже был шокирован его смелым заявлением:

— Гу Ниньюй, ты ведь понимаешь, что первое место — это не так просто. — Даже самый

успешный ученик в классе, Янь Мяо, не мог гарантировать, что всегда будет первым.

<http://bllate.org/book/16840/1549376>